

Василий Игнатьевич (3)

(Каргопольского уезда, из деревни Красные Ляги)

Из-под той белой березы кудреватая,
Из-под чудного креста Еландиева,
Шли-выбегали четыре тура златорогие,
И шли они бежали мимо славен Киев-град,
И видели над Киевом чудным чудно,
И видели над Киевом дивным дивно:
И по той стене городовья
И ходит-гуляет душа красная девица,
В руках держит Божью книгу Евангелие,
Сколько ни читает, а вдвое плачет.
Побежали туры прочь от Киева,
И встретили турицу, родну матушку,
И встретили турицу, поздоровались:
«Здравствуй, турица, родная матушка!» —
«Здравствуйте, туры, малы деточки!
Где вы ходили, где вы бегали?» —
«Шли мы бежали мимо Киев славен град,
Мимо ту мимо стенку городовую,
Мимо те башни городовья,
И видели мы над Киевом чудным-чудно,
И видели мы над Киевом дивным-дивно:
И по той по стене городовья
Ходит-гуляет душа красная девица,
В руках держит божью книгу Евангелье,
Сколько не читает, вдвое плачет».
Говорит тут турица, родна матушка:
«Уж вы глупые, туры златорогие!
Ничего вы, деточки, не знаете:
Не душа та красна девица гуляла по стены,
А ходила та мать пресвята Богородица,
А плакала стена мать городовая,
По той ли по вере христианския, —
Будет над Киев-град погибельё:

Подымается Батыга сын Сергеевич,
И с сыном Батыгом Батыговичем,
И с зятем Тараканником и с Каранниковым,
И с думным дьяком вором-выдумщиком».
У Батыги было силы набрано,
Набрано было силы, заправлено,
И было силы сорок тысячей;
И у сына Батыги Батыговича
Было силы тоже сорок тысячей;
И у зятя Тараканника Каранникова
Было силы тоже сорок тысячей;
И у думного дьяка вора-выдумщика
Было силы тоже сорок тысячей.
И не вешняя вода облеелела¹, —
Обступила кругом сила поганая:
Соколу кругом лететь
Будет на меженный день.
И пишет Батыга князю со угрозою:
«Ты старый пес, ты Владимир князь!
Дай-ко мне из Киева поединщика,
А не то дай-ко мне Киев-град,
Без бою, без драки великия,
Без самого большого кроволития».

Закручинился князь, запечалился
Той тоской-печалью великою;
Богатырев-то во граде не случилось:
Илья Муромец уехал на желтые на пески,
А Добрыня Никитич на Воргановых горах,
А Самсон был богатырь — тот во дальних городах,
А Олеша Попович за синим морем гулял, —
Никакого богатыря не пригодилось.
Рассказали князю голи кабацкия:
«Ты солнышко наш, Владимир князь!
У нас есть-то Василий сын Игнатьевич,
И может со Батыгой поправиться.
И пропил Васильюшко житье-бытье,
Все житье-бытье и богатство,
Теперь нечем Василью опохмелиться,
И лежит нынь Василий в кабаке на печи».

И солнышко наш Владимир князь
Пошел по кружалам государевым,
По тем ли по царевым кабакам,
По кабакам, по питейным домам,
И нашел тут Василья в кабаке на печи.
И сходит Васильюшко со печки долой,
С лица зашел, поклонился князю:
«Солнышко наш, Владимир князь!
Ты не знаешь кручины моей великия, —
У тебя есть кручина великая,
А у меня горе-печаль еще больше твоей:
Что трещит- то болит у меня буйна голова,
И дрожит у меня жильё подколенное,
Теперь не чем мне, Василью, опохмелиться;
Опохмель-ка меня чарою опохмельною,
Тогда я со Батыгой поправлюся».
И Владимир князь столен-киевский
Наливает ему чару зелена вина,
Зеленого вина полтора ведра,
Другую наливает пива пьяного,
Третью — рюму меду сладкого,
И составили питье в одно место,
Становилось питья полпята² ведра.
И принимает Василий единой рукой,
И выпивает Василий на единый здох.
И заскочил-то Василий на стенку городовую,
И натягивает Василий свой тугий лук,
И накладывает Василий калену стрелу,
И стреляет Василий ко Батыге во шатер.
И убил он три головки, кои лучшенькия,
Убил сына — Батыгу Батыговича,
Убил зятя — Тараканника Каранникова
И убил думного дьяка вора-выдумщика.
И пишет Батыга князю со угрозою:
«Ты старый пес, ты Владимир князь!
Ты подай-ко мне из Киева виноватого,
У меня кто убил ровно три головы».
И тот ли Василий сын Игнатъевич
Пошел по конюшням кленовым,

Выбирал себе жеребчика неезженого,
И садился на жеребчика неезженого,
И приезжает Василий ко Батыге на лицо,
И прощается³ Василий во первой большой вине:
«Прости меня, Батыга, в первой большой вине:
Я убил три головки, кои лучшенькия.
Опохмель-ко меня чарою похмельною,
Пособлю я тебе взять славен Киев град».
На те речи Батыга понадеялся,
Наливает ему чару полтора ведра вина,
И другую наливал пива пьяного,
И третью наливал меду сладкого,
И составили тут питье в одно место,
И становилось питья полпята ведра вина.
И принимается Василий единой рукой,
Выпивает Василий на единый здох,
И говорит тут Батыге таково слово:
«Ай же ты, Батыга сын Сергеевич!
Дай-ко ты мне силы сорок тысячей,
Я пойду-подступлю под славен Киев град».
На те речи Батыга обнадеялся,
Давал ему силы сорок тысячей.
И отъехал Василий прочь от Киева,
И прибил-пригубил всех до единого.
И размахалась у Василья ручка правая,
И разгорело у Василья ретиво сердце,
И прибыл-пригубил до единого,
Не оставил Батыге на семена.
И уезжает Батыга прочь от Киева
Со тою ли со клятвою великою:
«Не дай бог бывать боле под Киевом,
Ни мне-то бывать, ни детям моим,
Ни детям моим и ни внучатам!»

Сильные могучие богатыри во Киеве;
Церковное пенье в Москве городе;
Славный звон во Нове-городе;
Сладкие поцелуи новолодожанки;
Гладкие мхи к синю морю подошли;
Щельё-каменьё в Северной стороне;

Широкие подолы Олонецкие;
Дубяные сарафаны по Онеге по реке;
Обо..... подолы по Моше по реке;
Рипсоватые подолы почезерочки;
Рядные сарафаны кенозерочки;
Пучеглазые молодки слобожаночки;
Толстобрюхия молодки лексимозерочки,
Малашальский поп до солдат добр.

Дунай, Дунай,
Боле петь веред не знай!

(От старика калики)

Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: Ч. 2. - Москва. Народные былины, старины и побывальщины. - 1862.

1 Облелеяла, удвоенное из «облила». — Изд.

2 Четыре с половиною. — Изд.

3 Просит прощения. — Изд.